

О ГАРТУНГЕ В. Я. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГАРТУНГ Владимир Яковлевич, родился в 1874 (дед, Гартунг Фридрих Фридрихович, художник, мозаичист, в 1898 — скончался; отец, Гартунг Яков Федорович; мать Гартунг Надежда Михайловна, урожд. Третьякова). 24 апреля 1930 — арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, позднее помещен в Бутырскую больницу на излечение. 27 июня приговорен к 3 годам ссылки и отправлен на станцию Няндомы Севкрая, в сентябре переведен на станцию Коноша. В январе 1931 — отправлен в Вологду и помещен в больницу; через три месяца выписан из больницы как неизлечимо больной.

В июле 1931 — его сестре, Елизавете Яковлевне пришло письмо от Паулы Вячеславовны Видякиной, жены местного священника, из него она сделала выписку.

«Выписка из письма из г<орода> Вологды
от жены священника — Паулы Вячеславовны Видякиной.

Ул<ица> Ворошилова, 68, кв. 2.

1931 г<ода> 16 июля

Многоуважаемая Елизавета Яковлевна!

Простите меня, что я вмешиваюсь, быть может, не в свои дела, но больше молчать не могу — хочу сообщить Вам кое-что о Вашем брате — Владимире Яковлевиче Гартунг. Я не так давно с ним познакомилась — хотя знала я его еще зимой, но, как и все проч<ие>, бежала от него, как от заразы. А тут совершенно случайно познакомилась. Скажу Вам откровенно, он из себя представляет такое жалкое существо, что я в жизни ничего не видала подобного — на ногах голое мясо — руки распухли — всего его съели вши (простите за откровенность). От него бегут все, как от огня, а что может сделать он, когда он чуть-чуть двигается, совершенно истощал. Если он в силах сходить до рынка, то сходит, купит молока и поест, если не в силах, то он где-нибудь на кладбище лежит — живой труп среди мертвых, что может быть ужаснее этого?

Накануне именин, т<о> е<сть> 14-го июля, я позвала его к себе ночью. В 4 ч<аса> утра приготовила ему воды — предложила вымыться, — так как в банях ремонт, выстирала к этому времени суровый костюм сына, хотя неважный, но все же чистенький, и одела его с ног до головы во все чистое — белье у него есть свое — туфли новые не влезают — пришлось одеть резиновые старые калоши моего мужа. Муж мой три месяца как арестован, пальто ватное, даже шапку, брюки — все пришлось выжарить в русской печке, а белье прямо сожгла, т<ак> к<ак> было рваное.

Вы не можете представить, он плакал, как ребенок, от благодарности. И теперь имеет приличный вид. По крайней мере, хоть я его не боюсь. Добрые люди пустили спать на крыльцо, спит сидя, без подушки и одеяла. Я не могу представить, что он будет делать осенью, но думаю, что карета скорой помощи его подберет, не дожидаясь осени.

К себе я не могу при всем желании пустить, так как мое положение квартирное не многим лучше его. На днях с ним был обморок и продолжался два часа. Сегодня не думала его встретить, но видела в церкви — говорит, что очень знобит — пальто совершенно сырое, так как ночью был дождь. Передайте, что можно, из моего письма Надежде Мих<айловне>.

Посылку распечатывал у меня и со слезами вспоминал и Вас»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 683. С. 36-37. Автограф.

В августе 1931 — Надежда Михайловна Гартунг, мать Владимира Яковлевича, сопроводила эту выписку из Вологды своим письмом с просьбой о помощи.

<1 августа 1931>

«Помощь Политическим заключенным
Е.П. Пешковой

От Н. М. Гартунг, прож<ива.щей>
Б<ольшая> Молчановка, 24, кв. 9

В виду того, что до сего времени нет ответа на просьбу о пересмотре дела сына моего В. Я. Гартунг (поданную через Вас в феврале месяце), я принуждена просить Вас посоветовать, что мне делать. Положение больного сына совершенно невыносимо из-за его болезни, хроническая цинга 3-й степени (он весь в ранах), он не может уже в течение года найти себе комнату, — его боятся, думая, что он заразный, он ночует под открытым небом, больной, почти умирающий старик. Пересылаю Вам только что полученное о нем из Вологды письмо, из которого Вы сами увидите, в каком он ужасном положении.

Умоляю хоть чем-нибудь ему помочь, может быть, можно настоять о помещении его в больницу (он лежал там 3 месяца зимой), теперь же ему отказывают, как хронике, болезнь которого не поддается лечению.

Он несколько раз обращался за помощью в Вологодское ГПУ, но там ему отвечали, что он числится не за ними, а за Няндомским ГПУ, которое разрешило ему жить и лечиться в Вологде (мы в свое время обращались в Особую Инспекцию, которая и дала распоряжение Няндомскому ГПУ отправить его на лечение в Вологду).

Меня еще более страшит его положение, ввиду наступающей осени, помещения у него нет, вещей держать негде, его три раза обкрадывали совершенно до нитки.

Еще раз прошу Вас прийти мне как-нибудь на помощь.

Н. Гартунг.

Москва, 1 августа»².

В сентябре 1931 — у Е. П. Пешковой вновь просила помощи Надежда Михайловна Гартунг.

«21-го сент<ября> 30 г<ода>.

Помощь полит<ическим> заключенным.
Екатерине Павловне Пешковой

Надежда Михайловна Гартунг
(Третьякова), жив<ущая>
Москва, Б<ольшая> Молчановка,
д<ом> 24, кв. 9

Мой преклонный возраст и болезнь лишают меня возможности быть у Вас лично на приеме, но зная, какой Вы отзывчивый и добрый человек, я обращаюсь к Вам с письмом, надеюсь, что Вы и здесь внимательно отнесетесь к моей просьбе.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 683. С. 35. Машинопись, подпись — автограф.

Мне 81 год, я получаю персональную пенсию как сестра основателя Третьяковск<ой> галер<ей> П. М. Третьякова. Мой сын, Владимир Яковлевич Гартунг, 56-ти лет, 24-го апр<еля> этого года был арестован, а 27-го июня из Бутырской больницы, где он находился на излечении в течение 5-ти недель и был назначен на операцию — был выслан в Няндому Северного края на 3 года. До Няндомы он доставлен не был и оставлен на жительство на ст<анции> Каноша (200 в<ерст> от Вологды), где условия жизни исключительно тяжелы — болотистая местность, полное отсутствие комнат (мой сын спит на полу в чайной, где у него украдены все его вещи до одеяла включительно), отсутствие как больницы, так и врачей. Вместе с тем мой сын совершенно больной человек как со стороны психической, так и общего состояния здоровья. Он недоразвит, мы с детства считали его дефективным, имел всегда религиозный уклон, что, по-видимому, и послужило причиной его высылки. Со стороны общего состояния здоровья — в Бутырской больнице врачами было у него определено: склероз, миокардит, невращения, ревматизм, язва желудка и потеря зрения на один глаз и почти полная утрата трудоспособности. Врачи нашли необходимым делать операцию, которая не была сделана ввиду его высылки. В Коноше у него опухают руки и ноги, ежедневно сердечные припадки, началась цинга. Он обращался за медицинской помощью в Няндому, прося поместить его в больницу, но там ему ответили: ненормальных не принимаем и предложили обратиться в Вологду в психиатр<ическую> лечебн<ицу>, в то же время поездки в Вологду невозможны без специального разрешения ГПУ, не говоря уже о их дороговизне. Ввиду того, что из истории болезни, кот<орая> находится в Бутырской больнице, вполне можно убедиться, что он тяжело больной человек, я убедительно прошу Вас содействовать освобождению моего сына, или, по крайней мере, замене ссылки высылкой с разрешением ему поселиться в месте по его выбору, с учетом его болезненного состояния.

Только что получила отчаянное письмо от сына, в котором он сообщает, что места в больнице все заняты, и он умоляет выхлопотать ему разрешение жить в Вологде и лечиться амбулаторно. Разрешение это зависит от тов<арища> Сизова, начальника ОГПУ гор<ода> Няндомы. Мой сын в ужасном состоянии, ноги забинтованы, едва может писать и замерзает, т<ак> к<ак> начались холода, а ему негде жить. Не зная, куда мне обращаться и как хлопотать, еще раз умоляю Вас прийти ему на помощь»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 510. С. 17-19. Автограф.